

УДК 340.12

Таран П.Е.

ИДЕЯ МОРАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ КАК ОСНОВА УЧЕНИЯ И. КАНТА О ПРАВЕ

Статья посвящена анализу идейных основ кантовской философии права. Такой основой признана идея морально автономной личности. В качестве субъекта, способного самому себе сформулировать моральный закон, такая личность есть субъект общественного договора, а право должно защищать моральную автономию, то есть свободу личности.

Ключевые слова: И. Кант, моральный закон, автономия, либерализм, общественный договор

Споры и дискуссии о разных моделях государственно-политического устройства, способах обоснования права, разрешении легитимационных кризисов, ведущиеся в современной политической и правовой философии, естественным образом требуют определенной политико-правовой теоретической культуры, дефицит которой в нашем обществе так явно обнаруживался ещё 20 – 30 лет назад. В наши дни есть все основания для восполнения недавнего дефицита и одним из неперенных условий такого восполнения является бережное и внимательное изучение классического европейского теоретико-философского наследия, сопровождающееся «ученическим», по выражению Э.Ю. Соловьева, отношением к нему [см. 6] Почему ученическим? Не столько потому, что, по расхожему выражению, новое – это всегда хорошо забытое старое, но, скорее, потому, что только классическое как, прежде всего, «образцовое» может стать основой для формирования культуры ума и вкуса как воплощенной способности судить, составлять свое собственное мнение. Очевидно, что кантовское интеллектуальное наследие, корпус его философско-правовых текстов принадлежит к числу таких образцов, всегда уже современных.

Эпоха, в которую появились эти тексты, может быть без ошибки названа эпохой Великой французской революции, уроки которой, как выясняется, актуальны и по сей день – с ними же связана и актуальность кантовских размышлений о сути государства и права. Соотношение цели и средств есть извечная проблема всех общественных преобразований, всегда порождающая вопрос о принципах политической и правовой деятельности, о том неизменном, что никогда нельзя приносить в жертву без ущерба потери смысла своей деятельности, о том фундаменте, без которого все общественное здание может рухнуть. Что может претендовать на статус такого фундамента? В наши дни ни у кого не вызывает сомнения то, что это идея государственной автономии, независимости, самостоятельности, однако, единства понимания смысла этой идеи нет, в том числе, и потому, что главенствует здесь негативный аспект понятия – автономия как «не-зависимость от...». Именно она в расхожем мнении считается основой для второго, позитивного аспекта понятия – автономии как праву на

собственное законодательство. В целях прояснения целостного смысла идеи автономии обратимся к кантовским текстам.

Философию права И. Кант стал развивать в последнее десятилетие своей жизни, когда уже оформилась его трансцендентальная философия и были опубликованы две основные «критики» - «Критика чистого разума» и «Критика практического разума». Основные его работы, посвященные вопросам права: статья «О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» (1793 г.), трактат «К вечному миру» (1795 г.), «Метафизические начала учения о праве (1797 г.), «Метафизические начала учения о добродетели» (1797 г.). Основой его философско-правовых построений стала учение о моральной автономии субъекта права и общественного договора.

Учение Канта о праве в качестве важнейшей идейной и методологической основы имеет четкое разграничение между теоретическим и практическим разумом, между познающим мышлением и мышлением в сфере императивов, между сущим и должным. Никакое знание о том, что есть, не позволяет сделать вывод о том, что должно быть. Этот дуализм проецируется и на представления о человеке, который может рассматриваться, с одной стороны, в качестве эмпирической личности, поступки которой подчинены закону причинности, а с другой стороны, в качестве ноумена, разумной личности, поступки которой свободны. Между этими «ипостасями» личности, по Канту, лежит сфера свободы, свободной воли, существование которой и доказуемо, и опровержимо, однако, человеческому мышлению не противоречит. Идея свободы для Канта – не фикция, будучи понятной для разума каждого человека, она становится главным предположением, основным положением кантианства, а вся его практическая философия - философия морали и права – становится её своеобразной «защитой». Свобода и причинность, для Канта, не противоречат друг другу, они обнаруживаются в человеке в одном и том же действии, но в разных отношениях: всякое действие человека, включенное в цепь причинно-следственных отношений, может быть предсказуемо, однако, совершенно не нарушая эту цепь, человек каждый раз свободен в своих поступках. «Свободен», по Канту, означает, что с помощью разума (а не чувственности) он может определять свою свободную волю к тому или иному поступку. Анализируя конкретные примеры такой вечной двойственности человека как субъекта поступков, Кант пишет о злостной лжи, «посредством которой какой-то человек внес известное замешательство в общество; сначала мы исследуем её мотивы, а затем разберем, насколько она может быть вменена... вплоть до источников, которые мы ищем в дурном воспитании, плохом обществе, отчасти также в злобности его природы, нечувствительности к стыду, и отчасти в легкомыслии и опрометчивости, не упуская, впрочем, из виду также и случайных побудительных причин» [3, с.492]. Однако судим мы при этом виновника и упрекаем его не за дурную его природу и не за обстоятельства, побудившие его ко лжи. Мы судим его за поступок и «упрек за поступок основывается на законе разума, причем разум рассматривается как причина, которая могла и должна была определять поведение человека иначе, независимо от всех названных эмпирических условий... Поступок приписывается умопостигаемому характеру человека; теперь, в тот момент, когда он лжет, вина целиком лежит на нем; стало быть, несмотря на все эмпирические условия поступка, разум был совершенно

свободен, и поступок должен считаться только следствием упущения со стороны разума» [3, с.493].

Кантовский идеал правового государства вытекает из необходимости общественного договора, несмотря на то, что это государство – дело будущего, оно, по Канту, никогда не существовало и естественным образом возникнуть не может. Такая установка принципиально отличает кантовскую интерпретацию сути договорных отношений в государстве от предшествующих, просветительских по происхождению, теорий. Кант отвергает наивный взгляд просветителей, по которому государства возникают как договорные – правовые феномены, но затем могут деградировать и по вине неправедных правителей стать деспотическими, несправедливыми. Наличные политико-правовые режимы, по его мнению, складываются стихийно в историческом процессе, поэтому нет никаких оснований подвергать историю осуждению с позиции нынешнего идеала. Его нельзя "внедрить" в историю в качестве изначально существующего принципа или "истинного государства", попорченного, преданного и забытого. Следование идеалу правового государства есть безусловно-моральная, а не юридическая обязанность государственной власти. Исторически очевидно, что правовой идеал никогда еще не воплощался в действительности, поэтому правителя нельзя привлечь к юридической ответственности за то, что его правление не является строго правовым. Однако Кант, в отличие, например, от Гоббса, никоим образом не призывает к смирению и моральному признанию любой государственной власти. Отсутствие воплощения правового государства в действительности не делает правовой идеал пустой фикцией, ибо индивиды как моральные существа не могут не стремиться к этому идеалу и не бороться со всяким противоречащим ему государственным устройством. Способ осознания людьми значимых для них политико-правовых ожиданий и фиксируется, по Канту, в идее общественного договора. "Этот договор, - пишет Кант, - есть всего лишь идея разума, которая, однако, имеет несомненную (практическую) реальность" [5, с.87]. Как участник такого договора разумный индивид обязуется признавать справедливым только правовое государство и признавать достойной такую власть, которая стремится к реализации строго-правовых принципов. На неправовые действия государства разумный моральный индивид обязан ответить лишь внешним повиновением при внутреннем неучастии и отказе от гражданских добродетелей. Кант называет это "легальным образом действий", который выражается в чисто формальном выполнении индивидом всех законов государственной власти при отсутствии сознания долга перед нею. Иным публичное право, не основывающееся на строгом праве, не может быть: "...то, что есть зло и им остается, в особенности в преднамеренном взаимном нарушении самых священных человеческих прав, нельзя не ненавидеть, как бы ни старались заставлять себя его любить; это не значит причинять людям зло, это значит как можно меньше иметь с ними дело» [5, с.99]. Только «строгому праву» разумный индивид может подчиняться с сознанием должного, понимая, что при этом морально оправдано и принуждение, законам же деспотического государства он должен подчиняться как бы «стиснув зубы», через силу. Это особого рода неповиновение, не перерастающее в бунт, мятеж, революцию, это и есть борьба за право в отличие от борьбы за власть, осуществляющейся в любой революции.

Для Канта совершенно неприемлем революционный путь, и единственное средство против революционных потрясений – последовательное и бескомпромиссное решение власти ориентироваться на идеал, на должное, на практическую по происхождению норму правового государства. Сама угроза революционных потрясений делает вероятным то, что люди начнут действительно следовать этому идеалу, а силой жестоких в своей наглядности исторических уроков власть может решиться на практическую реализацию того, что является ее действительным предназначением.

Исходным пунктом кантовского представления о субъекте общественного договора стало представление о человеческом индивиде как о существе, принципиально способном стать «господином самому себе», «дать закон самому себе» благодаря разуму как своему «внутреннему законодателю», а не только как средству добывания благ. Человек разумный, как его понимает Кант, сам знает, что является его долгом, способен бороться за его выполнение и уверен, что эта борьба может увенчаться успехом [см. 6]. Он вводит различие между человеком как *sui iuris* и человеком как *sui dominus* [см. 4]. Человек как *sui iuris* – это господин самому себе, буквально, «тот, кто правит сам собой», а человек как *sui dominus* – это собственник самого себя, «тот, кто собой владеет». Это различие существенно, и Кант утверждает, что человек может быть только *sui iuris*, править собой, то есть, давать закон самому себе – в этом правовой смысл его идеи автономии моральной личности. «Владеть самим собой» означает распоряжаться собой по своему усмотрению, по своему желанию – в этом проявляется гетерономия, свойственная всякой собственности, в этом смысле, «собственник» самого себя распоряжается собой как вещью. Если я «владею» собой, то могу ли в пределе отказаться от свободы? Нет, ибо кантовская автономная моральная личность уже свободна, свобода есть прирожденное неотчуждаемое право каждого, такую свободу бессмысленно требовать или завоевывать, здесь уже нет места процессу освобождения, а должно быть место совмещению моей свободы со свободой каждого. Это свобода не раба, а, наоборот, господина самому себе, *sui iuris* правит собой и не имеет права править Другим.

Именно способность человека давать закон самому себе и бороться за его выполнение Кант называет «моральной автономией», которая, в свою очередь, будучи внутренней свободой, нуждается в целом наборе внешних, гражданских свобод для своего осуществления. Таким образом, правопорядок, по Канту, есть условие и пространство человеческой моральности, а это означает, что право, в конечном счете, имеет моральное обоснование. Это не значит, что Кант выводит, дедуцирует правовые нормы из моральных, но как раз в правопорядке видит гарантию невмешательства государства в процесс морального совершенствования индивида. Это означает, что он разводит моральные и правовые нормы, считая моральными нормы тогда, когда они реализуются индивидом без всякого внешнего принуждения, а правовыми такие, которые являются внешними или «легальными» нормами поведения, такими, через которые государство как бы выражает уважение и доверие к моральной автономии индивида. Поэтому любое человеческое общежитие, не основывающееся на признании этой автономии, не может считаться правовым, однако, всякому политическому соглашению индивидов («общественному договору») должно предшествовать их автономное, самостоятельное решение жить и поступать в

соответствии с разумными моральными нормами. Таким образом, субъектом общественного договора, по Канту, должен стать морально-автономный индивид, а презумпцией всякой власти должно быть признание того, что каждый гражданин в состоянии быть господином самому себе. Я могу, считает Кант, быть принужден другими совершать те или иные поступки, направленные на достижение определенной цели, но не могу быть принужден другими к тому, чтобы иметь ту или иную цель и только я сам могу сделать что-то своей целью. Никто и ничто не вправе предписывать человеку, ради чего он должен жить и в чем видеть свое счастье: «Правление, основанное на принципе благоволения народу как благоволения отца своим детям, иначе говоря, правление отеческое, при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них действительно полезно или вредно...такое правление есть величайший деспотизм...(такое устройство, при котором уничтожается всякая свобода подданных, не имеющих в этом случае никаких прав» [5, с. 79].

Согласно первоначальному общественному договору, как его понимает Кант, преступление никогда не должно наказываться обществом в качестве морального прегрешения, требующего искупления и раскаяния, воспитывающих и исправительных наказаний. Насилие, на которое распространяется право по общественному договору, должно представлять собой, по мысли Канта, лишь отмщение ущерба, который по вине преступника понес другой индивид, и возмездие за преступление, столь же бескорыстное, как и всякий моральный акт. При этом Кант не мыслит возможность карать человека за зло, причиненное самому себе, тем самым очерчивая сферу общественного договора как дозволенного для принудительной власти – оно оказывается ограниченной сферой конфликтных отношений между индивидами. Коль скоро конфликта нет, у власти нет поводов для вмешательства в судьбу граждан. В конфликте же власть выступает третейским судьей, призванным не умиротворять граждан, а силой поделить то, что граждане не могут поделить миром.

Таким образом, государство и право, их происхождение и логику, по Канту, нельзя объяснить вне уяснения сути договорных отношений: «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия ее со свободой всех других, насколько это возможно по некоторому общему закону; а публичное право есть совокупность внешних законов, которые делают возможным такое полное согласие. А так как всякое ограничение свободы произволом другого называется принуждением, то отсюда следует, что гражданское устройство есть отношение между свободными людьми, которые, однако...подчинены принудительным законам, потому что этого требует сам разум» [там же]. Кантовский договорной подход к государству и праву связан с его безоговорочным утверждением принципа всеобщего равенства в сочетании с уважительным отношением к собственности. Этот принцип позволяет определить ту сферу «своего», на которой должно базироваться внешнее принуждение, следящее за соблюдением правила «каждому свое». «Таким образом, - пишет Кант, - гражданское состояние, рассматриваемое только как состояние правовое, основано на следующих априорных принципах: 1)свободе каждого члена общества как человека; 2)равенстве его с каждым другим как подданного; 3)самостоятельности каждого члена общности как гражданина. Эти принципы не столько законы, которые дает уже образовавшееся государство, сколько законы,

единственно на основании которых и возможно образование государства...» [там же]. Как же в этих условиях равенства определить, что является «своим» для каждого члена общества? Кант не видит трудности в ответе на этот вопрос: «Из этой идеи равенства людей в обществе как подданных вытекает и сама формула: каждый член общества должен иметь возможность достигнуть в нем каждой ступени того или иного состояния (доступного для подданного), которой он может достичь благодаря своему таланту, прилежанию и удаче; а все прочие подданные не должны стоять ему поперек дороги со своими наследственными прерогативами...» [там же, с.81]. От государства, таким образом, требуется предоставление гарантий соблюдения соответствия между собственностью и индивидуальными заслугами при ликвидации сословных различий, могущих в этом деле служить помехой. Публичная власть, следовательно, главной своей целью должна сделать достижение справедливости как меры ее морального достоинства и уважения со стороны подданных, высшая моральная максима всех третейских решений. Таким образом, строго-правовое требование к власти состоит, по Канту, в том, что ее первейшая обязанность есть забота о соблюдении справедливости. Мероприятия по обеспечению правовой справедливости должны непременно опережать все правительственные акции, имеющие в виду и развитие экономики, и рост всеобщего благосостояния. Ни одна крупная реформа, проводимая властью, не будет успешной, если ей не будет предшествовать ряд строго-правовых мер, призванных искоренить все возможные последствия деспотизма. Он вменяет в долг современному ему государству целый ряд социальных мероприятий: настаивает на ликвидации сословных различий и на установлении режима равных возможностей, предлагает распространить права участия в государственных решениях на всех лиц, способных самостоятельно обеспечить свое существование, предлагает лишить главу государства верховенства земельной собственности, утверждает, что государство не должно вмешиваться в вопросы веры, а церковь – в политику. В противовес многим своим современникам, утверждавшим, что народ еще не созрел для гражданской свободы, Кант полагает, что народ никогда не может рассматриваться в качестве неподготовленного к освободительным актам государства.

На идее моральной автономии как главного условия заключения общественного договора базируются и кантовские рассуждения о смысле политической истории, его учение о «вечном мире», предвосхитившее многие из начинаний международной политики 20 века, реализованные в разного рода международных организациях, объединениях, договорах и конвенциях. В сочинении "К вечному миру" [см.2] он с печалью констатирует, что в международных отношениях пока господствует не право, а только сила. Война – это прямое нарушение категорического императива как практического закона для автономной моральной личности, поэтому никакой войны не должно быть. И хотя "моральный мир" допускается лишь как идеал высшего блага, приверженность людей к соблюдению нравственного законодательства – это внутренняя практически необходимая идея разума. Такому "этически-гражданскому" состоянию людей, вступивших на стезю добродетели, соответствует правовое гражданское состояние. Понимая, что война есть проявление того общественного антагонизма, который служит одним из источников развития общества, Кант нисколько ее не оправдывает, вспоминая старую поговорку: "Война дурна тем, что

больше создает злых людей, чем уничтожает их". Более того, он считает, что война может задержать поступательное развитие человечества или вообще его прекратить. Войны правомерны лишь как самозащита, либо как возмещение ущерба, нанесенного другим государством, либо как средство основания национального государства.

Смысл развития культуры и истории для Канта – это всестороннее развитие человека, для которого требуется свобода. Упразднение ограничений личности в ее деятельности, распространение просвещения, постепенно оказывающего влияние и на принципы управления, будут содействовать тому, что в рамках культуры осуществится совершенствование не только государственного устройства, но и всемирно-гражданского состояния, то есть союза народов, основанного на принципах мира. «Только в обществе, и именно в таком, в котором его членам предоставляется величайшая свобода, а стало быть, существует полный антагонизм и тем не менее самое точное определение и обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других, - только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы: развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве...» [1, с.12-13].

Список использованных источников и литература:

1. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.6. – М.: Мысль, 1966.
2. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.6. – М.: Мысль, 1966.
3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.3. – М.: Мысль, 1964. - 799 с.
4. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч.1. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.4, ч.2.- М., Мысль, 1965.
5. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.4, ч.2. – М.: Мысль, 1965.
6. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права – М.: Прогресс-Традиция, 2005 – 416с.

Таран П.Є. Ідея моральної автономії як основа вчення І. Канта про право.

Ця стаття присвячена аналізу ідейних основ кантівської філософії права. Такою основою вважається ідея морально-автономної особи. Як суб'єкт, здатний сам собі сформулювати моральний закон, така особа є суб'єкт суспільного договору, а право повинне захищати моральну автономію, тобто свободу людини.

Ключові слова: І. Кант, моральний закон, автономія, лібералізм, суспільний договір.

Taran P.E. The idea of the moral autonomy as the basis of the I. Kant's studies about law .

This article is dedicated to ideal grounds of I. Kant's philosophy of the law. Such basis is the idea of the moral and autonomous personality. As a subject formulate to himself the moral law, such personality is a subject of social agreement and the law must protect moral autonomy, i.e. freedom of the individual.

Key words: I. Kant, moral law, autonomy, liberalism, social agreement.

Пост упила в редакцію 26.09.2007 г.

